

АРТУРО КАРОТТИ

НАСЛЕДСТВО
КАПИТАНА
НЕМО

Артуро Каротти

Наследство капитана Немо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25566870

Аннотация

«Невесело мне было в сорок лет оставлять родину, старушку мать и сестру и отправляться в дальние страны искать счастья.

Но в Ливорно, моем родном городе, мне нечего было делать. Заводы останавливались один за другим, тяжелый промышленный кризис каждый день выбрасывал на улицу сотни безработных. Ни технические знания мои, ни крепкие руки – а я был одним из самых сильных людей в городе – никому не были нужны. Ничего хорошего ждать не приходилось, и я решил эмигрировать...»

Содержание

I. Нечто таинственное	4
II. Во мраке	14
III. Страна чудес	22
IV. Загадка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Артуро Каротти

Наследство капитана Немо

I. Нечто таинственное

Невесело мне было в сорок лет оставлять родину, старушку мать и сестру и отправляться в дальние страны искать счастья.

Но в Ливорно, моем родном городе, мне нечего было делать. Заводы останавливались один за другим, тяжелый промышленный кризис каждый день выбрасывал на улицу сотни безработных. Ни технические знания мои, ни крепкие руки – а я был одним из самых сильных людей в городе – никому не были нужны. Ничего хорошего ждать не приходилось, и я решил эмигрировать.

Мне подвернулся как раз агент, вербовавший большую партию рабочих для отправки в Южную Африку. Недавняя война англичан с бурами унесла большую часть туземного населения, и страна очень нуждалась в рабочих руках.

Сборным пунктом была Генуя, и я, попрощавшись с сестрой и матерью (отца у меня не было – он пропал без вести, когда мне шел второй год), отправился туда с тридцатью другими эмигрантами, собравшимися со всех концов Италии. В два дня я перезнакомился со всеми и подружился со славным

шестнадцатилетним парнем родом из Флоренции. У него было лицо, похожее на кошачью мордочку, очень живые глаза и рот, который ни на минуту не закрывался. Он назвал мне свое имя – Луиджи, или Джиджетто, Бай, а я ему сказал мое – Николо Галли.

В Генуе мы погрузились на английский пароход «Черноголовый», на борту которого было уже немало таких же безработных, как и мы. «Черноголовый» снялся с якоря и пошел на всех парах на Гибралтар и Капскую Землю.

Нас высадили в Капштадте; там продержали нас целый месяц, обещая каждый день, что завтра отправят на работу. Потом нас отвезли в Порт-Элизабет, где та же история тянулась около двадцати дней; наконец нас разбили на группы, и меня с Джиджетто отправили в Дурбан, а оттуда – в Ньюкэстльские каменноугольные копи в горах Наталя. В Порт-Элизабет мы познакомились – этому знакомству суждено было стать впоследствии самой горячей дружбой – с тремя безработными: французом из Сент-Этьенна по имени Марсель Уберт, бурским инженером, Карлом Марицем и еще одним буром, Питером Вандоэлем из Миддльбурга. Все трое принимали участие в войне с англичанами, были взяты в плен и отправлены на остров Святой Елены; только после того, как были уничтожены обе республики буров, они получили возможность вернуться в Южную Африку. Уберт и Мариц, давнишние друзья, работавшие до войны на золотых копях Йоганнесбурга, нашли свои места занятыми, а Вандо-

эль, вернувшись в факторию, где служил прежде, услышал от хозяина, что тот совершенно разорен, должен собраться с деньгами и не сможет приступить к работам раньше, чем через полгода. Питер Вандоэль решил, что его желудок не выдержит такого долгого поста, распрощался со стариком и отправился на Иоганнесбургские копи.

Там он встретил Марселя и инженера Марица, которые были в таком же положении. Они отправились вместе в Штормберг, работы – никакой! Оттуда – в Порт-Элизабет, из Порт-Элизабет – вместе с нами уже – в Дурбан и в Ньюкэстльские копи.

Мы решили работать вместе; Марсель, старый сент-этьеннский шахтер, самый опытный из нас, объявил, что он будет забойщиком; Питер Вандоэль, Карл Мариц и я стали его подручными, а Джиджетто взялся катать груженные углем вагонетки.

Распределив работу таким образом, 25 апреля мы впервые уселись в бадью и опустились в глубину шахты – на триста двадцать пять метров ниже поверхности земли.

Несколько сот тысяч лет назад, там, где теперь лежит Южная Африка, было море. Из моря поднялась громадная гранитная глыба. Она подымалась все выше и выше над водой, пока не раскололась по длине; западная часть ее осталась над водой, а восточная опустилась в глубину. Оставшаяся часть гранитной глыбы поката – она подымается постепенно от низменностей реки Хигапа, правого притока Оранжевой ре-

ки, до высот Штробергена и Драконовых гор. Дожди, солнце, снега и ветры раздробили, выветрили гранитные массы и разнесли их далеко на запад и на восток. На свеженанесенных почвах поднялась могучая растительность каменноугольного периода. Но новые слои песка засыпали и погребли заросли громадных деревьев; и новые леса поднялись над ними; так, век за веком, песчинка за песчинкой, создавалась та страна, что мы теперь называем Южной Африкой.

Ньюкэстльские копи разрабатывали самый древний, наиболее глуболежащий пласт каменного угля; и многие из галерей, особенно западных, были заброшены, потому что в них уже нечего было делать; одну из них, самую глубокую, довели почти до гранитного костяка горы.

Итак, мы спустились в глубину шахты. После долгого томительного бездействия мы с радостью принялись за работу. Работа у нас спорилась и день ото дня шла лучше. Одно было тяжело: шахтеры, по большей части англичане, непрерывно издевались над бурами, Марицем и Вандоэлем, и над нами, их товарищами. Однажды, после долгих нападков и вызовов, Питер Вандоэль потерял терпение: повернулся и сшиб наземь кулаком надоедавшего ему англичанина.

Мы работали в самой глубине шахты, в восточной галерее, которая подымалась кверху, следуя изгибам угольного пласта; на юго-запад бежала, с небольшим уклоном, заброшенная галерея, о которой я недавно говорил.

В шахте было, вместе с нами, четыре забойщика, семь

подручных и пять рабочих у вагонеток.

Едва кулак Вандоэля опустился, едва англичанин коснулся земли, как все они бросились на нас. Их было больше, но мы были сильны и ловки и, главное, чувствовали свою правоту – а это много значит.

Я как сейчас вижу этого черта Джиджетто – Котенка, как мы его звали! Как он дрался сразу с тремя англичанами, прыгая во все стороны! Мы тоже не стояли без дела. Вдруг я услышал крик. Уберт, прижатый к стене четырьмя дюжими англичанами, поднял кирку и расколол череп одному из них. Англичане в один миг выхватили револьверы, и нам пришлось сделать то же; началась перестрелка; наше положение было лучше, потому что мы укрылись за двумя вагонетками с углем; англичане убежали, обещая отомстить нам сторицей.

Мы остались одни, и Питер Вандоэль первый прервал молчание:

– Они вернутся толпой. Они убьют нас всех.

Нам нужно было бежать. Мы схватили фонари, кирки, веревки и вслед за Марицем бросились к выходу. Мы взглянули вверх.

– Мы в западне, – закричал Мариц. – Они спускаются!

Действительно, черная тень, окруженная блеснами фонарей, затемняла высоко вверху пролет колодца. Это спускались шахтеры; весь край бадьи был увешан их фонарями.

– Я думал, что мы успеем подняться по лестнице до верх-

ней галереи и по ней пробраться в соседнюю шахту. Теперь поздно! – сказал Мариц.

Мы не отвечали; оставалось одно – вернуться на прежнее место, забаррикадироваться и защищаться до последней капли крови.

Вдруг Котенок предложил:

– Спрячемся в заброшенной галерее! Они спустятся и побегут искать нас на прежнем месте, а мы прыгнем в бадью и подыдемся до галереи, ведущей в ту, соседнюю шахту.

– Если они не оставят никого стеречь бадью, – сказал инженер. – Но все равно бежим туда, может быть, мы найдем выход из мертвой галереи; во всяком случае в ней мы сможем защищаться не хуже, чем в новой.

Мы бросились в заброшенный проход. В этой галерее не работали уже больше трех лет; управление копей все время собиралось – для безопасности – завалить вход в нее, но эта работа откладывалась со дня на день.

Поначалу идти по галерее было очень трудно: почва была неровная, заваленная обломками, полная провалов. Балки, поддерживавшие своды, были белы от плесени и мхов; местами, где подпорки завалились под тяжестью осевших пластов, нам приходилось пробираться вперед ползком.

– Что это? – вдруг воскликнул инженер. – Слышите шум? Сверху бежит вода! Когда мы шли, там было сухо!

– Неужели эти черти хотят утопить нас? – спросил Уберт.

– Это нужно узнать, – сказал Питер. – Пусть кто-нибудь

пойдет назад; если они гонятся за нами, они не станут этого делать!

– Верно, – сказал Джиджетто, – я схожу.

Он исчез. Мы постояли минуту, молча глядя друг на друга. Джиджетто вернулся.

– Они идут за нами по пятам!

– Что же делать? – спросил я.

– Вперед! – скомандовал инженер.

– Погодите, – сказал я, – здесь удобное место для зашиты, нужно одному остаться здесь.

– Незачем, – ответил Котенок, – лучше завалим проход; они здесь провозятся целый час.

– Правильно! – сказал Мариц.

Марсель зацепил киркой одну из подпорок, рванул и отскочил назад. Громадная глыба земли рухнула с глухим шумом, и проход был закрыт.

– Вперед!

Гул текущей воды усиливался по мере того, как мы двигались вперед. Все чаще приходилось нам наталкиваться на обвалившиеся груды земли; когда можно было – мы их обходили, когда другого пути не было – мы пробивали себе дорогу кирками. Наконец мы дошли до крутого поворота.

– Здесь конец галереи, – сказал инженер.

– Сейчас узнаем, где шумит вода. Если вентиляционный канал свободен, может быть, нам удастся выбраться через него.

Двадцать шагов вперед.

Рокот воды стал заглушать наши голоса. Мы дошли до канала. Широкая струя воды сбегала по нему из верхней галереи и каскадом падала вниз. Но наша галерея оставалась сухой. Вода куда-то уходила.

Мы подошли к водопаду. Он вырыл в черных блестящих камнях небольшой бассейн. Уберт привязал свой фонарь к рукоятке кирки и протянул его вперед. Позади водопада мы увидели в гранитной стене широкий темный провал.

– Где Джиджетто? – спросили мы вдруг в один голос. Его не было видно. – Куда он делся?

Как бы в ответ на повороте показался фонарь. Это бежал Джиджетто.

– Наше счастье! – воскликнул он, пыхтя и обливаясь потом. – Хорошо, что я вернулся назад. Я приложил ухо к обвалу; они здорово работают кирками с той стороны. Я завалил проход еще в двух местах.

– Молодец! – сказал Мариц. Между тем я засучил штаны выше колени, взял фонарь и вошел в холодную, как лед, воду. Бассейн был неглубок, и выше колен вода мне не доходила. Отверстие в стене оказалось достаточно большим. Я протиснулся в него боком, и струя свежего воздуха ударила мне в лицо.

– Здесь сквозит! – крикнул я друзьям и двинулся вперед. Я прошел шагов двадцать. Почва была поката, и вода, журча, скользила у меня между ног. Я вернулся и рассказал то-

варищам, что видел. Само собой разумеется, они были очень удивлены; особенно странным нам казался ток свежего воздуха в расселине. По догадке инженера расселина должна была вести либо в широкий грот, либо на поверхность земли.

Что нам было делать? Остаться в галерее или пытаться счастья? Вентиляционный канал был для нас закрыт водою; англичане были недалеко.

– Я иду вперед! Я самый тонкий! – сказал Котенок.

– погоди, – остановил его Питер Вандоэль. – Бог знает, что нас ждет; фонари нам могут пригодиться. Оставим зажженным один. Бери, Котенок, и ступай вперед.

Товарищи засучили штаны, погасили фонари и вошли в воду, а потом – в расселину, – впереди Джиджетто, за ним инженер, потом я, потом Питер и Марсель.

Котенок, гибкий и тонкий, живо подвигался вперед; мы все шли гораздо медленней.

– Вот в чем дело! – воскликнул вдруг инженер и коснулся моих губ пальцем.

Я почувствовал во рту солоноватый вкус.

– Здесь когда-то пролегал пласт хлористого натрия. Потому-то вода и нашла себе дорогу! – сказал Мариц.

Мы продолжали спускаться. В одном месте я думал, что не смогу протиснуться вперед, – так узка была расселина. У нас сердце замирало от страха, а чертенок Джиджетто заливался смехом:

– У, толстопузый, у-у!

Наконец, сделав решительное усилие, я прошел вперед. Тут проход стал шире, и можно было идти по-человечески.

II. Во мраке

Проход все расширился. Вола, журча, бежала вниз. Мы шли уже посуху, вдоль ручья, за Джиджетто, который ни на минуту не переставал болтать и потешать нас своими шутками. С каждым шагом перед нами вставала новая стена мрака, и завеса густой темноты опускалась позади нас.

Вдруг Джиджетто остановился как вкопанный и крикнул:
– Стой!

Инженер наткнулся на него, я на инженера, – так неожиданна была остановка.

– Что такое? – спросили все в один голос.

– Что такое? – сказал Джиджетто, – если бы я не остановился вовремя, стал бы Котенок рыбой. Смотрите!

У его ног земля обрывалась, и пламя фонаря отражалось в черной воде колодца. Вода была вровень с землей. Колодец имел метров шесть в ширину, и стены его подымались совершенно отвесно. Джиджетто протянул руку с фонарем. Стены уходили вверх и терялись во мраке. Мариц взял камень и бросил в воду. Раздался всплеск, круги побежали от середины колодца к краям, качнули белые пряди мха, вернулись к середине и исчезли. Как камень ударился о дно, мы не слышали – очевидно, колодец был очень глубок. Я оторвал взгляд от воды и взглянул на Марица. Марсель воскликнул:

– Он доходит до центра земли!

– Что нам делать? – спросил Питер.

– Я голоден, – сказал Джиджетто, ставя фонарь наземь и усаживаясь на блестящую глыбу гранита.

Фонарь вспыхнул и потух.

– Умер! – воскликнул Джиджетто, и его голос резко и отчетливо прозвучал в темноте.

У меня по спине забегали мурашки.

– У меня есть спички! – сказал инженер. Ом чиркнул спичкой, и огонек вспыхнул.

– Да будет свет! – засмеялся Джиджетто. Я передал Марицу фонарь, и он зажег его.

– Я голоден! – заворчал Котенок. – Я голоден, а мой завтрак остался наверху.

– У меня есть! – сказали в один голос я, Марсель и Ван-доэль.

Мы вытащили из мешков свои завтраки, со вкусом поели хлеба с соленым мясом и запили холодной водой, что бежала у нас под ногами.

– Так-то славно! – смеялся Котенок, выпятив живот и поглаживая его рукой. – Ну и наелся!

Мы засмеялись. Вдруг Джиджетто вскочил:

– Инженер Мариц, а ведь вода-то в колодце не прибывает и не убывает!

Мы заглянули в бездну. Мариц спросил:

– Почему ты знаешь?

– Ведь мох по стенам все время остается на уровне воды!

Джиджетто прав! Значит, должен быть путь, по которому вода уходит!

– Верно! – согласился Марсель. – И это отверстие должно быть у поверхности воды! – продолжал инженер.

Мы впились глазами в стены колодца, но ничего не было видно, кроме гладкого, блестящего камня.

– Погодите! – сказал парень.

Я оглянулся и увидел, что он раздевается.

– Что ты хочешь делать?

– Поискать дыру!

– Да ты с ума сошел!

– Нет, что же нам, вечно здесь торчать? Назад вернуться нельзя; нужно узнать, по крайней мере, можно ли идти вперед!

И Джиджетто нырнул головой вперед.

– Она не так холодна, как я думал!

Он перевернулся в воде через голову и в два удара подплыл к другому краю колодца. Он поплыл вдоль стены, все время ощупывая ее. Каждая минута казалась нам часом.

– Ура! – крикнул он вдруг, нырнул и вынырнул у самых наших ног.

– Это – круглое отверстие, достаточно широкое, чтобы пройти через него человеку.

Но оно по меньшей мере на четверть метра под водой. Проход сейчас же подымается кверху, и в нем можно стоять. Я слышал, как по этой расселине бежит вода.

Джиджетто вышел на землю. Одна мысль была у всех нас: что делать?

– Что же ты? Отчего ты не одеваешься? – спросил я его.

– Зачем? Разве мы не идем вперед?

Нам всем стало не по себе от вопроса Джиджетто.

– Оденься, оденься, – сказал инженер.

– Неужто мы остаемся? – спросил парень.

– Куда нам идти? Не все плавают так хорошо, как ты, – оправдывался инженер.

– Да и фонарь промокнет и не зажжется, – прибавил Марсель.

Джиджетто оделся.

– Что ж, оставаться так оставаться, – сказал он. – Спокойной ночи. Я спать хочу. – И он растянулся в сухом углу.

Из двух зол человек выбирает меньшее. Если бы наши преследователи настигали нас, возможно, мы рискнули бы броситься в неизвестное. Теперь же мы утешали себя тем, что враги наши мало-помалу успокоятся, и мы сможем вернуться в шахту.

– Плохо вы знаете англичан, – проворчал Уберт.

В эту минуту мы услышали глухой непрерывный гул. Марсель бросился назад и тотчас же вернулся.

– Это они!

Я вскочил на ноги.

– Что делать?

– Вот, – сказал Питер, вытаскивая револьвер.

– Нет, – идемте вперед, – воскликнул инженер. – Джиджетто, вставай!

Но парень спал, пока его не растолкали.

– Идти так идти, – сказал он, вставая.

– А фонари? – спросил Питер.

– Возьмем их; фитиль намокнет и высохнет, а маслу ничего не делается. Спички у меня в непромокаемой коробке, – ответил инженер.

Шум приближался; все яснее и яснее слышны были то-ропливые удары кирок.

Товарищи стали нырять. Вот нас осталось двое – Питер и я. Вот Питер исчез; у меня не хватало решимости броситься в черную бездну. Далеко в расселине мелькнули огоньки: англичане уже были здесь.

Я собрал все свое мужество и нырнул. Как и говорил Джиджетто, отверстие было недалеко. Но в одном месте проход был так узок, что я не мог проскользнуть через него. Я согнулся в три погибели, вобрал голову в плечи, но это не помогло. Страшная тяжесть сдавила мне грудь, кровь ударила в виски, и в ушах послышался звон. Наконец мне удалось повернуться боком и вынырнуть в проход. Я судорожно вдохнул воздух и вышел из воды. Товарищи ждали меня.

Инженер чиркнул спичкой и осветил низкую, узкую галерею. Мы двинулись вперед.

– Постойте, – крикнул Джиджетто, – помогите мне!

Он надрывался, стараясь сдвинуть с места громадную ка-

менную глыбу. Питер, Марсель и я бросились ему на помощь и скатили эту глыбу так, что она плотно закупорила отверстие, через которое мы вошли.

Джиджетто посмотрел туда, показал обеими руками нос и крикнул:

– Дудки, господа англичане! Посторонним вход воспрещается!

Потом обернулся к нам и сказал:

– Вперед!

По совету инженера мы сняли с себя мокрую одежду, свернули ее и двинулись в путь голыми – в галерее было тепло, и так мы не рисковали простудиться. Время от времени Мариц зажигал спичку, освещая путь. Когда Джиджетто увидел, как мы все шествуем нагишом по темным изгибам прохода, он воскликнул:

– Вот души несчастных грешников в аду!

Мы прошли еще немного, и инженер сказал:

– Друзья, у меня сейчас кончатся спички!

– Не беда, – ответил Котенок, – мы свяжемся вместе, как альпинисты, поясами, и я пойду вперед на ощупь, а вы за мной. Мне легче всего идти вперед, потому что я тоньше всех и всюду пролезу; кроме того, если я сорвусь в пропасть, вам нетрудно будет выдержать меня.

Парень был прав, и мы последовали его совету.

– Приберегите спички, – сказал я инженеру, – на случай, если без них нельзя будет обойтись.

Мы шли вперед медленно, щупая почву ногами, то и дело натываясь друг на друга. Молчали все, даже Котенок: мрак удручал нас. Вдруг Джиджетто воскликнул:

– Проход расширился! – и его голос прозвучал гулко, и где-то далеко эхо отдало его крик.

Неужели мы попали в громадную пещеру? Я услышал чирканье спички; свет на мгновение ослепил нас; потом мы увидели, что стоим на покато́м гранитном берегу ручья, – и ничего больше: густая завеса мрака окутывала нас со всех сторон.

Бог знает, сколько времени бродили мы в этой бесконечной пещере. Я был утомлен и голоден. Вдруг раздался крик, и нас резко рвануло вперед. Я еле устоял на ногах.

– Парень упал в пропасть! – крикнул Питер.

Инженер зажег спичку. В двух шагах от него зияла пропасть, и Джиджетто болтался в ней, вися на поясе; он уже смеялся, как всегда. Дружными усилиями мы вытащили его из провала. Инженер уронил догоравшую спичку.

– Это последняя, – сказал он с грустью.

Мы повернули и пошли прочь от пропасти. Мы шли очень долго, все время держась берега ручья.

Инженер воскликнул:

– Я не могу больше!

Он упал в обморок от голода и усталости. Мы остановились и окружили его. Слышно было, как кто-то плакал – не то Котенок, не то Марсель. Вдруг Питер взял меня за плечо

и сказал:

– Посмотри назад!

Я оглянулся и увидел невдалеке бледный свет – как будто скала отражала слабые далекие лучи. Я отвязался от общей веревки и сделал несколько шагов к освещенному месту. Оказалось, что скала эта вовсе не близко; это был обман зрения. Мы отделены были от нее длинной галереей.

III. Страна чудес

Надежда на спасение вдохнула в меня новые силы. Я уговорил товарищей пойти со мною. Едва Мариц пришел в себя, мы снова двинулись тягостной дорогой, ободряя друг друга предположениями – что это отсвет солнца, что это отблеск луны, что мы выйдем на равнину, на гористое место, на берег моря.

Мы все повеселели; Котенок шутил не переставая, и мы то и дело покатывались со смеху.

Живо прошли мы длинную галерею и остановились у освещенной глыбы камня. Галерея сворачивала здесь под прямым углом, и скала отражала свет, лившийся из-за поворота. Мы пробежали вторую часть галереи и выскочили на открытое место, на широкую равнину тончайшего песка. С неба, усеянного звездами, струился нежный, ясный свет странного оттенка.

– Что это? Где мы? – воскликнул Мариц, – ведь это не звезды!

Действительно, приглядевшись лучше, мы увидели, что светлые точки вверху были менее яркие, чем звезды. Да и, кроме того, мы не видали ни одного из обычных созвездий – ни Южного Креста, ни Кентавра, ни Ладьи.

Далеко перед нами, на горизонте, занималась ослепительно-белая заря.

– Да ведь мы и теперь в пещере! – сказал инженер, – в громадной пещере, и те точки, что нам кажутся звезданы, – таинственные источники света. Может быть, это отблески света, проникающего извне; свет, пробегая по своду, зажигает вкрапленные в него прозрачные обломки минералов!

– И мне кажется, что так, – сказал Марсель, – посмотрите на эту сверкающую часть горизонта. Там как будто занимается заря: там, надо думать, выход из этой пещеры, и сквозь него проходят лучи солнца!

Да, очевидно. Марсель был прав. Мы снова пустились в путь. Джиджетто шел впереди нас, прыгая от радости. Пещера, почти круглая, имела версты четыре в ширину. Свод ее сверкал тысячами блесков. Мы позабыли и голод, и жажду и усталость и с замирающим сердцем приближались к выходу. Наконец желанная минута настала. Мы подошли к отверстию и оцепенели от удивления: у наших ног расстилась гладь необозримого моря; над ним, вверху, лежала пелена ослепительного тумана, в котором сверкали источники невообразимо яркого света. Но чудесней всего было видеть, как с высоты падал дождь огненных хлопьев; хлопья падали в воду, но не гасли, нет – они растворялись в воде, бледнея, как бледнеет капля анилиновой краски в прозрачной жидкости; потом постепенно исчезали. Мы не могли прийти в себя. Одна из огненных капель упала мне на лицо. Этот огонь не жег!

– Чудесно! – воскликнул в восторге инженер.

– Великолепно! – сказал я.

– Очаровательно! – прибавил Уберт.

– Неподражаемо! – сказал Питер.

– А ты отчего молчишь? – спросил я Джиджетто, который, опустившись на колени у берега, подносил в пригоршне воду ко рту.

Он обернулся ко мне:

– Я? Что мне сказать? Тут ничего не скажешь, – и снова зачерпнул рукою воды.

– погоди пить! – крикнул Мариц.

Но Котенок уже коснулся воды губами и отвечал:

– Она превосходна!

Мы бросились на колени и утолили мучившую нас жажду нежнейшей, хоть и немного тепловатой водой.

– Николо! Николо! – услышал я вдруг.

Это звал меня Джиджетто.

– Николо, смотри, это все видно с закрытыми глазами!

Я попробовал закрыть глаза и продолжал видеть и светлый туман, и ослепительные источники света, и огненный дождь. Мне пришло в голову, что это происходит оттого, что сетчатая оболочка глаза обладает свойством сохранять некоторое время впечатление. Я спросил инженера, согласен ли он со мной.

– Закрой глаза руками, – отвечал Мариц.

Мы закрыли руками глаза – видение, хоть и немного затуманенное, оставалось.

– Нужно покрыть глаза чем-нибудь более плотным, – сказал я и прижал к глазам сверток одежды.

Я не видал больше ничего.

Мариц стоял задумавшись; я услышал, как он бормочет:

– Свет, проникающий через непрозрачные тела! Радий?

Тут прибежал Джиджетто и притащил горсть двустворчатых черных раковин, похожих на наших устриц.

– Глядите-ка, что я нашел!

Открытие это заставило нас позабыть великолепие всего виденного. Мы бросились за Котенком к скале и в две минуты нарвали с подножья ее, скрытого водой, целую кучу раковин. Мы взялись за ножи, открывали раковину за раковиной и ели без конца. Джиджетто, насытившись, свалился и уснул. Мы растянули мокрую одежду, чтобы она просохла, улеглись и дружно захрапели.

Проснувшись, я долго еще лежал на спине на нежнейшем песке, закрытыми глазами следя за паденьем огненных хлопьев. Потом мы оделись; вещи были сухи, как трут.

Я подошел с инженером к воде. Ему показалось, что он видит вдали, над водной равниной, высокий гористый островок. Я не согласился с ним – по-моему, это был огромный утес, поднимающийся из воды и теряющийся в сверкающем тумане.

Пора было двигаться в путь. Мы опять поели вкусных моллюсков, наполнили ими мешки, закинули их за плечи и пошли вдоль берега влево. Однако скоро нам пришлось по-

вернуть в обратную сторону, так как песчаная полоса сузилась и вода подошла к отвесным стенам утесов. Мы двигались вправо часа два. Опять песчаная полоса исчезла, но здесь по граниту пролегла узенькая тропа, и мы могли продолжать путь.

По мере того как мы поднимались по тропинке, все более и более широкий вид открывался нашим глазам. Озеро километров двадцати в длину и километров восьми в ширину занимало не всю пещеру, позади него видна была широкая равнина. Светлый туман виден был только над частью озера; когда мы поднялись довольно высоко, мы поняли, что впечатление тумана создают бесчисленные огненные капельки, падающие со свода пещеры. То, что снизу нам казалось источниками света, было в действительности громадными сверкающими сталактитами; они были так ярки, что на них больно было смотреть. Мы были уже очень высоко, когда тропинка неожиданно кончилась. Перед нами в гранитной стене было широкое отверстие.

– Вперед! вперед! – был общий голос.

Мы двинулись в проход, но темнота остановила нас. Фонари высохли, но зажечь их было нечем. Котенок придумал выход.

– Вернемся, наберем в рубаху огненных капелек, и, когда она хорошенько пропитается ими, у нас будет прекрасный фонарь!

Мы вернулись на тропинку, разостлали мою рубаху на

камнях и уселись рядом. Когда она хорошенько пропиталась светом – если можно так выразиться, – я свернул ее в жгут, и мы вошли в проход.

Новоизобретенный фонарь был великолепен! Время от времени огненная капелька падала с него наземь и растекалась в светлое пятно.

Галерея то суживалась, то становилась шире, но неизменно поднималась кверху.

Мы шли вперед до изнеможения. Вдруг мы увидали впереди яркий свет. Наученные опытом, мы уже не были уверены в том, что это – свет солнца.

Галерея круто повернула вбок, и мы вышли на площадку, заваленную глыбами скал. Я зажмурил глаза и зажал их руками, но напрасно: чудесный, сверкающий, невообразимый свет ослепил меня. Когда глаза привыкли к яркости освещения, мы увидали нечто, превосходившее всякое воображение.

Перед нами была необозримая пещера, наполненная совершенно невероятным блеском, как бы бесконечным числом замерших на месте молний. И высокий свод, и стены, и почва, и озеро, занимавшее часть пещеры, излучали один и тот же равномерный, белый, немерцающий свет. Каждая частица мертвой материи была источником этого света. Я говорю – мертвой материи, потому что утесы были покрыты густым, темным лесом, а в сверкающей воде плескались совершенно непрозрачные рыбы. Мы стояли молча и не могли

вымолвить ни слова. Первым заговорил Котенок:

– Что за рай! Мы устроим здесь республику и выберем инженера в председатели!

Мы очнулись от своего оцепенения и стали закидывать инженера вопросами. Что нам было непонятней всего – это существование источника света, почти не излучающего тепло.

– В этом нет ничего странного, – сказал Мариц, – это свойство некоторых тел известно людям уже давно – с 1898 года. Оно было открыто супругами Кюри: они нашли новый металл – радий, который, без всякого воздействия на него, излучал столько света, что вблизи него можно было читать. Оказалось, что лучи радия проникают через очень многие тела; их можно видеть, закрыв глаза, и сквозь веки; они видны сквозь тонкую пластинку платины. Кусочек радия виден даже, если его положить в свинцовую коробочку.

Потом оказалось, что, если какой-нибудь предмет находится вблизи этого металла, он постепенно получает все его свойства, хотя и в более слабой степени. Но стоит убрать радий – и предмет мало-помалу эти свойства теряет. Ученый Беккерель добился того, что обыкновенная вода в течение нескольких дней излучала световые лучи. Потом ученым приходилось даже прекращать работу, потому что у них в лаборатории все вещи начинали светиться – и платье, и стены, и полы, и инструменты, и воздух. Бессон, чтобы показать, какую пользу можно было бы получить от радия (если

бы его добыча не стоила так дорого, как теперь), примешал к хлористому цинку ничтожную долю радия и сделал из смеси ослепительные лампы; их с полным основанием можно было назвать вечными, потому что радий, несмотря на то, что непрерывно излучает во все стороны свои частицы, почти не уменьшается от этого в количестве.

Некоторые ученые думают, что все эти явления объясняются тем, что радий и другие близкие ему тела обладают способностью собирать, стягивать отовсюду находящиеся в пространстве электрические волны и потом, собрав, их излучать. Таким образом, говорят они, радий сам по себе не является источником света: он только принимает из пространства лучи и отдает их в сгущенном виде.

Другие ученые объясняют все это иначе: они считают, что все тела и самые разнородные виды энергии образуются путем соединения и разложения тончайших частиц единственной материи, эфира, обладающего единственной энергией – магнетизмом; эта материя и образует все существующие тела – в том числе и радий, и близкие ему минералы. Магнетизм же, по словам этих ученых, переходит в различные виды энергии: в тепло, в свет, в электричество и другие. Весьма возможно, что в этой пещере рассеян какой-нибудь из металлов, близких к радю.

– Но ведь здесь не светится ни воздух, ни лес, ни рыбы! – сказал я Марицу.

– Ты прав, – ответил он, – я неточно выразился; вер-

нее будет сказать, что здесь должен находиться какой-нибудь минерал, обладающий некоторыми свойствами радия; ведь нам известны близкие радио минералы, не вызывающие свечения воздуха. Кроме того, мы можем предположить, что этот минерал воздействует на находящиеся вокруг него тела очень медленно; тогда все будет понятно. Светятся скалы и вода, которые бог весть сколько веков находятся вблизи этого минерала; воздух же непрерывно меняется; животные тоже не остаются неизменными; вполне понятно, что радий не может воздействовать на них.

– Но ведь мы вовсе не знаем, что вода здесь всегда одна и та же!

– Я так полагаю. Покамест я не видел здесь ни одного притока; испарения здесь тоже почти нет. Правда, вода просачивается через своды пещеры, но она попадает в пещеру, уже насыщенная лучами, и падает вниз сверкающим дождем. Очевидно, она по пути проходит сквозь известковые пласты и отлагает известь на своде пещеры; эти сталактиты и кажутся нам ослепительными источниками света!

Мы готовы были согласиться с инженером. Я открыл рот, чтобы ответить ему, когда мы вдруг услышали со стороны озера крик Джиджетто. Все время нашего разговора он плескался и барахтался в воде. Мы обернулись и увидали, что он с перекосившимся лицом изо всех сил плывет к берегу.

Мы подбежали к воде. Он выскочил на берег, бледный как полотно.

– Там громадный крокодил! – воскликнул он.

– Что ты! Не может быть!

– Я не слепой, он был в двух шагах от меня.

– Глупости. Верно, тебе показалось, – сказал Марсель.

Котенок оделся и предложил устроить нечто вроде удочки и постараться выудить из озера рыбы. Но, вспомнив, что нам придется есть рыбу сырой, мы решили на этот раз удовольствоваться раковинами. Их было на песке множество и по виду они были совершенно не похожи на тех, что мы ели прежде.

– Точь-в-точь моллюски третичного периода! – изумился Мариц.

Хорошенько отдохнув, мы пустились в путь вдоль берега. Вначале дорога была завалена обломками утесов, упавшими сверху. Дальше лежала полоса тончайшего песку; пройдя ее, мы вошли в лес. Странные хвойные деревья высоко возносили свои темные вершины; их морщинистые стволы подымались из зарослей хвощей. Вперемежку с ними росли густолиственные деревья – не то пальмы, не то папоротники.

Неожиданное восклицание Питера заставило нас обернуться к озеру. Плоская, гигантская голова змеи подымалась из воды. За ней показалась длиннейшая шея – точно тело огромного питона; потом – громадное коренастое туловище.

– Плезиозавр! – воскликнул инженер, – скорее, скорее в лес!

Мы бросились в чашу.

– Что это за зверь? – спросил я Марселя, когда мы были в безопасности.

– Это плезиозавр – животное вторичной эпохи. Судя по частям его скелета, найденным в Европе, это было страшное чудовище. Пожалуй, в таком случае Джиджетто действительно видел крокодила! – сказал Марсель. – Нет, скорее это был ихтиозавр; это ужасное животное жило в ту же эпоху, что и плезиозавр; оно так же прожорливо, сильно как кит, и гибко, как змея; в пасти у него – сто восемьдесят острых, как ножи, зубов.

Все мы как по команде осмотрели свои револьверы; они оказались в полной исправности и были вполне готовы на случай встречи с этими неприятными соседями.

Котенку все не сиделось на месте. Он отошел от нас довольно далеко; потом вдруг пустился бежать к нам, крича:

– Человек! Человек!

– Что?

– Человек!

– Где?

Мы бросились к нему. На мягком, влажном песке ясно был виден отпечаток башмака. Ни один из наших следов на него не походил. Недавно здесь проходил человек.

IV. Загадка

Я не буду говорить о том, как мы были изумлены, об этом не расскажешь. Одна мысль наполнила наши сердца радостью: кто бы ни был этот человек, он должен был сюда прийти каким бы то ни было образом; нашей дорогой он прийти не мог; значит, из пещеры был выход. В путь!

Мы двинулись вперед, осматривая каждую пядь земли; мы дошли до озера, не встретив никаких признаков человека. Мы исходили вдоль и поперек песчаный берег, добрались до противоположной стороны озера, где отвесная стена преградила нам путь; все бесплодно. Оставалось одно – повернуть назад. Но тут Вандоэль заметил высоко между скал черную дыру. Мы взобрались наверх с трудом, обнадеживая себя мыслью, что это – выход из подземельного царства. Нет, галерея вела вниз.

– Может быть, это только вначале! – сказал Джиджетто.

Снова мы из рубахи свернули фонарь, запаслись моллюсками и нырнули во мрак расселины. Снова галерея стала сменять галерею, сверкающая пещера – пещеру; то мы тонули во тьме, то слепли от невообразимого света. Мы спали, ели, шли, пока не попали снова в ту пещеру, где впервые увидели огненный дождь; перед нами лежала узкая коса земли; она вела к утесу, виденному нами прежде.

Итак, нигде никаких следов. Очевидно, то была игра слу-

чая, то не был отпечаток человеческой ноги. Иначе мы нашли бы какие-нибудь признаки существования человека.

– Поищем еще, – сказал Котенок.

Мы готовы были погрузиться вновь в темноту галереи, когда протяжный звук – как бы звук далекого органа, строгий и торжественный, – прозвучал в воздухе и гулко отдался в широких сводах пещеры.

Мы переглянулись.

– Орган? Здесь?

– Не может быть.

Но тот же звук, четко и внятно, послышался снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.